

ЗАГИРОВ В. М.

О ЗАДАЧАХ И МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ЯЗЫКОВ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ

На фоне определенных успехов в развитии дагестанской компаративистики достижения в области сравнительно-исторического изучения лексики представляются менее значительными. В то время как сравнительно-исторические исследования по фонетике дагестанских языков имеют достаточно длительную историю и представлены в дагестановедении целым рядом специальных публикаций, ср. [1—11], аналогичные разыскания в области лексики дагестанских, и в частности, лезгинских языков остаются до настоящего времени явно отстающими. Если не считать отдельных лексикографических трудов по историко-сравнительному изучению лексики дагестанских языков [12—14], закономерности, пути развития словарного состава языка от его истоков до современного состояния, словообразование, этимология и историческая лексикология в дагестановедении пока еще не стали предметом специального рассмотрения.

Подчеркивая трудность исследования истории «колоссального количества слов и их значений во всей их совокупности», Ф. П. Филин вполне справедливо полагал, что «на первых порах надо попробовать наметить пути развития словарного состава языка хотя бы в общем, приблизительном виде» [15, с. 3].

Недостаточно разработанными, а точнее говоря, почти не затронутыми остаются, например, вопросы сравнительно-исторического изучения лексики восточнолезгинских языков (агульского, табасаранского и лезгинского). Между тем хорошо известно, какое большое значение имеют подобные исследования. Более того, приходится констатировать, что до сих пор не только не сформулированы задачи и цели сравнительно-исторической лексикологии лезгинских языков, но даже неясно, какие именно вопросы предстоит решать в этой области в первую очередь.

Цели и задачи исторической лексикологии, как это было показано в основополагающих работах Ф. П. Филина [15—18] применительно к русскому языку, сводятся к тому, чтобы выяснить, «каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособления от других родственных языков, включая новообразования на унаследованной лексической базе и заимствования, чем отличался возникший язык от других родственных соседей, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности, непрерывные изменения (обогащение из разных источников и отмирание архаизмов), имевшие место в течение столетий вплоть до нашего времени во всех разновидностях языка, письменного и устного» [15, с. 3]. Предстоит также выяснить основные закономерности и пути развития всего словарного состава языка вплоть до его

современного состояния, мотивы и условия возникновения каждого слова, время его появления (хотя бы приблизительно), эволюцию его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов [15, с. 3].

Эти же проблемы исторической лексикологии возникают и при рассмотрении совокупности языков, в частности, языков лезгинской группы, где задачи последовательного обоснования генетического родства лезгинских языков, определение черт материального сходства и различия между ними, выяснение путей их исторического развития оказываются давно назревшими.

К числу насущных проблем, стоящих перед исследователями лезгинских языков, относится и адекватное выявление генетической принадлежности богатейшего заимствованного фонда лезгинской лексики. Пока далеко не полно выявлен материал заимствований из арабского, персидского и тюркского источников, а древнейшие заимствования доаравской эпохи, в самом первом приближении рассмотренные О. И. Виноградовой [19], ожидают своего дальнейшего накопления и изучения. Возникает также необходимость сравнительно-исторического изучения исторических принципов системной организации лексики лезгинских языков (в частности, истории именных классов, системы словообразования). Думается, что все эти проблемы следует решать с максимальным привлечением материала. Между тем трудность поставленной задачи усугубляется тем, что объектом исследования являются младописьменные (лезгинский и табасаранский) и бесписьменные (например, агульский) языки. Последние, естественно, занимают особое положение, испытывая заметное влияние со стороны родственных письменных языков.

Будучи неотъемлемым компонентом целостного комплекса сравнительно-исторических изысканий, историческая лексикология отчетливо обособляется от других смежных лингвистических дисциплин, в частности, от исторической фонетики, открывающей закономерности развития фонетической системы языка. Сведения об этих явлениях и процессах историческая фонетика черпает как из современных языков или их диалектов, сохраняющих архаические формы в фонетике, так и из древнейших памятников письменности, если они имеются, заимствований, этнонимов и топонимов.

Такие же источники являются основными и для сравнительно-исторической лексикологии. Однако ее задачи, естественно, иные. Историческая лексикология устанавливает основные закономерности, пути развития словарного состава вплоть до его современного состояния, иначе говоря, историческая лексикология изучает пути формирования и обогащения этого словарного состава в связи с историей народа.

Должно быть очевидным, что без сравнительно-фонетических исследований невозможно определить те или иные лексические общности и расхождения и, соответственно, степень генетической близости родственных языков. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, иберийско-кавказская гипотеза, постулирующая генетическое единство картвельских, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков, может быть доказана только путем установления регулярных фонемных соотношений в исторически идентичных лексических единицах основного словарного фонда [20]. Неслучаен факт, что именно в работах по сравнительно-исторической фонетике дагестанских языков уже накоплен весьма значительный словарный фонд, который может с уверенностью трактоваться как восходящий к общелезгинскому лексическому фонду. Ср., например, такие лексические параллели, как:

лезг. *нет*, таб. *ницц*, агул. *нетт*, хиналуг. *нимцI*, арч. *нацIцI*, удин. *нецц* «вошь»;

лезг. *вирт*, таб. *йиччө*, агул. *йитв*, рут. *ит*, цах. *итв*, будух. *йит*, крыз. *йит*, хиналуг. *ницI*, арч. *имцIцI*, удин. *цIчч* «мед»;

лезг. *рат*, таб. *рацц*, агул. *рат*, рут. *рат*, цах. *атта*, хиналуг. *роцI*, арч. *цIцIи*, удин. *эIчч* «гумно»;

лезг. *тIвар*, табл. *ццур/ччур*, агул. *ттур*, рут. *дур*, цах. *до*, будух. *тур*, крыз. *тур*, хиналуг. *цIу*, арч. *цIцIор*, удин. *цци* < *ццир* < **цIцIир* «имя» и др.

Из приведенных примеров видно, что общелезгинский **цIцI*, восстанавливаемый на основе отражающих его *т/тI* в лезгинском, *цц/ччв* в табасаранском, *т/тт* в агульском, *д/тт* в рутульском и цахурском, *т* в крызском и будухском, *цц/чч* в удинском, сохранился в арчинском языке. Зная о таких регулярных рефлексах общелезгинской абруптивной геминированной свистящей аффрикаты *цIцI*, мы убеждаемся в историческом тождестве содержащих ее лексем, представленных в языках лезгинской группы.

Сравнительно-историческая фонетика дагестанских языков в настоящее время является наиболее разработанной областью дагестанской компаративистики. Поэтому в области исторической лексикологии лезгинских языков имеется благоприятная возможность учитывать, с одной стороны, результаты сравнительно-исторического изучения фонетики дагестанских языков в целом (Н. Трубецкой, Е. А. Бокарев, Т. Е. Гудава, Б. К. Гигинейшвили и др.) и звуковые закономерности и звуковые соответствия современных дагестанских языков, с другой. С помощью звуковых соответствий, установленных между отдельными современными дагестанскими языками, не только реконструирована система фонем общеддагестанского праязыка, выведены соответствующие архетипы и правила их исторических изменений, но и выявлена значительная часть общеддагестанского лексического фонда [21]. В целом ряде случаев реконструирован фонетический облик лексемных архетипов.

Однако, устанавливая закономерные звуковые соответствия, указывающие на фонетические критерии генетического отождествления лексем, исследователи значительно меньше внимания уделяют семантике реконструированного слова или формы, а нередко и вовсе предают забвению семантическую сторону лексем. Между тем лишь при кардинальном исправлении такого положения вещей станет возможным выявить важнейшие характеристики общелезгинского словаря (в частности, его тематическую структуру) и, следовательно, его соотношение с общеддагестанским лексическим фондом.

Вследствие распространенности в прошлом представления о быстрой изменчивости, неустойчивости словарного состава фонетико-морфологическим данным, в которых прослеживаются устойчивые закономерности, отводилась главенствующая роль в решении историко-генетических вопросов. Действительно, словарный состав языка, непосредственно отражающий перемены в жизни общества, более изменчив, чем фонетический и морфологический строй. Тем не менее в определенных пластах лексики сохраняются древние элементы, передающиеся от одного поколения к другому. В этой связи Ф. П. Филин справедливо отмечал: «В современных языках сохраняются слова, которые древнее египетских пирамид, которые древнее всех современных фонетических и морфологических закономерностей. Именно лексика наиболее перспективна для решения важнейших этногенетических проблем. Кстати говоря, если бы в лексике не сохранялось

устойчивых пластов, то было бы невозможно составление этимологических словарей» [15, с. 13].

Исследования в области сравнительно-исторической фонетики родственных языков, предполагающие фонетические критерии генетического отождествления лексических единиц, как бы подготавливают почву для исследований по сравнительно-исторической лексикологии, одной из целей которой является сближение определенных лексических единиц, а также реконструкция их наиболее древнего значения.

Выявление первоначального значения слова и его дальнейшего изменения в родственных языках «фактически невозможно без знания истории данного народа, его этнографических особенностей, культуры, хозяйственного уклада его жизни и т. д.» [22, с. 61].

Тесная связь исторической лексикологии с культурно-исторической реальностью имеет очень важное значение для решения сложной проблемы этногенеза. Лишь немногим менее сложна задача культурно-исторической интерпретации данных лексики лезгинских языков в той мере, в какой нерасторжимая связь языка и общества позволяет заглянуть в прошлое народа, определить общий уровень его развития, условия жизни.

Здесь историческая лексикология вступает в тесную связь с этнографией, актуальной задачей которой является изучение культурного наследия народов нашей страны. По этому поводу еще П. К. Услар писал, что исследование горских языков «должно послужить краеугольным камнем для дальнейших этнографических работ, ... без чего таковые работы невозможны» [23]. И, напротив, для исторической лексикологии многое могут дать исследования в области истории, археологии и этнографии, материальной и духовной культуры народов Кавказа и Дагестана, по истории хозяйства, семейному быту, по древним религиозным верованиям, описанию поселений, жилищ, их архитектурных особенностей, национальной одежды и т. д.¹ В качестве примера можно привести широко распространенное в лезгинских языках название женских шаровар, ср. лезг. *вахчег*, таб. *хуччиг*, рут. *вахчег*, крыз. *вахчег*, будух. *ахчег*, которое, как полагают, восходит к среднеперсидскому [19]. Ср. указание Агашириновой, согласно которому «покрой лезгинских женских штанов находит широкие аналогии не только в Дагестане, но и у многих народов Кавказа и даже Передней Азии» [27, с. 225]. Сведения этнографии приобретают существенное значение и при анализе истории «общекавказского» слова неизвестного происхождения со значением «плуг», ср. лезг. *куьтен*, таб. *кутан*, агул. *кутан*, крыз. *кватан*, будух. *кутан*. арч. *кутан*. Позволительно усомниться, что оно является сколько-нибудь древним достоянием лезгинских языков, поскольку сама обозначаемая этим словом реальность («тяжелый сложный плуг») появилась в лезгинских районах лишь в конце XIX в. [27, с. 30].

Исторические данные всегда пересекались с языковыми. Установлено, что для выяснения вопросов происхождения народа и его древнейшей культуры недостаточно анализа фактов лишь одного-двух языков, для этого необходимо привлекать этнографические и лингвистические источники нескольких родственных языков. Историческая лексикология связана и с изучением языка фольклора, в котором как известно, сохраняются следы утраченных в языке лексем, представляющих очевидную ценность

¹ Можно указать на ряд этнографических и исторических работ, содержащих материалы, представляющие определенную ценность для исторической лексикологии лезгинских языков [24—26].

для сравнительно-исторического исследования словарного состава лезгинских языков.

Историческая лексикология, в частности, лексические реконструкции в силу своего семантического компонента так или иначе могут внести свою лепту в изучение истории общества. Подвергнутые в коллективной работе «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» анализу древнейшие пласты лексики дагестанских языков проливают свет на некоторые стороны жизни носителей этих языков в далеком прошлом [13, с. 274—286]. Так, весь цикл скотоводческих терминов по всем отраслям представлен, по данным дагестанских языков, очень древней словарной группой, имевшей наибольшую употребительность в жизни и хозяйстве дагестанских народностей в далеком прошлом. Эта группа, включающая около двадцати названий животных, прежде всего подтверждает мнение о дагестанских народах как о древних скотоводах и земледельцах. Оно всецело подкрепляется, в частности, данными лезгинских языков (ср. исконно общие здесь названия собаки, быка, козы и т. д.).

Сравнительно-историческое изучение лексики лезгинских языков для определения генезиса их общих элементов предполагает выяснение истории и этимологии слов. Поэтому этимологию можно рассматривать в качестве одной из отраслей исторической лексикологии. Очевидны, однако, те огромные трудности, которые возникают на пути изучения истории слов в лезгинских языках, лишенных древнеписьменной традиции.

Этимология предусматривает сочетание методов внешней и внутренней реконструкции, основанных на сравнении фактов внутри и вне единой системы. В этом отношении девять лезгинских языков, обнаруживающих различную степень взаимного родства (от тесного до сравнительно отдаленного), предоставляют компаративисту очень благоприятный материал (предположение Ю. Д. Дешериева о нелезгинском характере хиналугского языка [28] оправдывается).

Историко-этимологические исследования лексики как лезгинских, так и вообще дагестанских языков не вышли еще из своей начальной стадии. Не созданы этимологические словари — своеобразные справочники, дающие исчерпывающую информацию об этимологии и истории слов всех современных дагестанских языков (следует отметить лишь существование рукописи лакского историко-этимологического словаря И. Х. Абдуллаева). В этом отношении в лучшем положении оказались родственные картвельские и абхазо-адыгские языки, которые уже имеют определенные традиции этимологических обобщений, и в частности опыт создания этимологических словарей (нельзя не отметить, что эти работы существенно облегчают — особенно в сфере исторических интернационализмов мусульманского мира — констатацию многих заимствований и в дагестанских языках).

Упомянутая выше работа коллектива сотрудников ИИЯЛ им. Г. Цадасы «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [13] — первый опыт изучения лексики в историческом аспекте. В теоретической части рассматриваются конкретные вопросы фонетики и грамматики дагестанских языков, описываются современный звуковой инвентарь и звуковые соответствия, а также структура именных и глагольных основ. Особый интерес представляет часть книги, содержащая словарное собрание, которое включает материал всех двадцати шести горских языков, демонстрирующий общность корней множества слов дагестанского языка-основы. В ней впервые в кавказоведении систематизирован прадагестанский словарь, где подвергнуто сравнительно-историческому рассмотрению около

400 лексических единиц. Эта работа, по существу закладывающая фундамент этимологического словаря, несомненно, послужит отправным пунктом дальнейших разысканий в области сравнительно-исторической лексики нахско-дагестанских языков.

Вслед за этой работой ученых вышел «Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков» С. М. Хайдакова [12], в котором привлекаются материалы 13 дагестанских языков, в том числе 5 письменных (аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский) и 8 бесписьменных (андийский, агульский, арчинский, бежтинский, крызский, рутулский, удинский, цахурский). По мере необходимости автор приводит и материалы ряда других дагестанских языков. Включается сюда и заимствованная лексика с указанием источника заимствования.

Как видно, работа по исторической лексикологии дагестанских языков только началась. В силу этого особенно важным представляется не только осознание места зарождающейся дисциплины в круг смежных направлений, о чем шла речь выше, но и определение тех приемов и методов, которыми эта дисциплина пользуется. Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать наиболее приемлемые для нас.

1. О т б о р м а т е р и а л а д л я с р а в н е н и я. Как известно, «материалом для сравнения обычно служат элементы языка, принадлежащие к его наиболее устойчивым сферам. В области лексики это будут слова, составляющие так называемый основной словарный фонд языка — названия элементарных действий, явлений окружающей человека природы, местоимения, числительные, предлоги, послелог и другие наиболее устойчивые лексические категории» [22, с. 39].

Действительно, в сравнительно-исторических изысканиях по лексике дагестанских языков в первую очередь уделяется внимание перечисленным тематическим группам. Так, в работе С. М. Хайдакова подавляющая часть лексического материала относится к таким тематическим группам, как «Животный мир», «Части тела», «Растительный мир», «Элементы ландшафта» и т. п.

Все же, думается, нельзя отбрасывать и лексику, хотя и менее пригодную для сравнения, но все же имеющую определенный удельный вес в общем словаре сравниваемых языков. Сопоставление, например, татар. *хахылдау* «хохотать», др.-греч. *καχάζω* и русск. *хохотать* [22, с. 39] с лезг. *хъуьруьн* «смеяться», естественно, не может говорить о генетической общности приведенных слов, поскольку во всех случаях здесь основу составляет идея звукоподражания. Однако не приходится сомневаться в том, что лексема со значением «смеяться» существовала и в общелезгинскую эпоху, хотя мы пока не в состоянии реконструировать ее определенный общелезгинский архетип: ср., например, лезг. *хъуIруьн*, таб. *ал-хъоIз*, агул. *элхъаIс*, рут. *йаIхъуI гъытын*, цах. *аIхъаIна гъаъас*, будух. *ирхъуI*, крыз. *хъуридж*, арч. *хурас*, удин. *ахчум песун* [11, с. 306].

Аналогичным образом следует, по-видимому, подходить к специальным и культурным терминам. С одной стороны, эта область лексики, действительно, наиболее часто подвержена различного рода заимствованиям. В частности, в тематической группе, объединяющей названия одежды, лезгинские языки обнаруживают большое число заимствований из азербайджанского и персидского языков. Ср. лезг. *башлух* «бышлык», *башмакъ* «башмак», *бухча* «одежда умершего», *келегъа* «тонкий головной платок из натурального шелка», *санжах* «булавка», *чалма* «чалма», *чекме* «сапог», *шал* «шаль», *элжек* «перчатки», *ййлух* «носовой платок» и др., заимствованные из тюркских языков [29]; таб. *зарбаф*, *кьумаиш*, *магьут*, *маъхмар*,

парча, чит — виды тканей, *шалвар* «брюки» и др., заимствованные из персидского языка [30].

Однако определенная часть культурной лексики может оказаться **исконной**, и механически исключать ее из рассмотрения было бы ошибкой. Значение этой части словаря еще больше возрастет, если учесть, что именно на ее основе можно сделать важные выводы экстралингвистического порядка (например, о древней социально-экономической структуре общества, его материальной и духовной культуре), ср. [31].

2. Установление ряда **сравниваемых единиц** и их отождествление. Как уже отмечалось, «... знание исторической фонетики родственных языков представляет первейшее и самое необходимое условие для сравнения» [22, с. 40]. Данное положение является достаточно очевидным, хотя, как показывает практика сравнительно-исторических исследований дагестанских языков, оно все еще нередко забывается. Принцип регулярности фонетических соответствий подменяется в таких случаях принципом фонетического сходства, содержание термина «соответствие» трактуется уже не как соотношение двух единиц, входящих к единой праформе, а как любое соположение двух или более сходных форм [21].

Сопоставление лексических единиц предполагает не только материальную, фонетическую сторону их анализа, но и содержательную. Естественно, что многие лексические единицы вступают в процессе развития языка в новые системные связи, меняют свое значение. Характеризуя состояние сравнительно-исторической лексикологии нахско-дагестанских языков в целом, М. Е. Алексеев справедливо отмечает недостаточную разработку вопросов семантических изменений: к сравнению обычно привлекаются лишь тождественные по семантике лексемы [21, с. 307]. Ограничиться изучением таких слов значит сознательно сузить объяснительные возможности исследования.

Привлечение к сопоставлению различных по своей семантике лексем требует, в свою очередь, применения специальных приемов, повышающих надежность таких сопоставлений. Так, обычно не вызывают сомнения сопоставления, в которых вариация значений укладывается в рамки классических семантических переходов, описанных еще Г. Паулем [32, с. 106—127]. Подтверждением этому может служить достаточно большое количество примеров такого рода и в лезгинских языках.

1. «Одной из главных разновидностей смысловых изменений,— пишет Г. Пауль,— является ... с п е ц и а л и з а ц и я значения вследствие сужения объема и обогащения содержания» [32, с. 106]. В качестве примера подобного процесса можно привести будух. *селкьи* «сбивать (масло)» в сочетании *реренг селкьи* (букв. «качать маслобойку»), сопоставимое с таб. *дакьуз*, агул. *дакьас* «взбалтывать, мешать, качать»; ср. также крыз. *видар*, будух. *видер* «рис», сопоставимое с лезг. *тгвар*, таб. *удар*, агул., удин. *видар* «зерно, зернышко» и др.; аналогичное явление обнаруживается при сопоставлении арч. *йāгьас* «веять» с лезг. *вегьиз*, таб. *ипуз*, рут. *сейес*, крыз. *савгъаьдж*, будух. *сергъи* «бросать». Г. Пауль упоминает и такую разновидность специализации, «которая возникает вместе с первым употреблением слова» [32, с. 109]. Она обычно встречается при словообразовании. Ср., например, таб. *уъл* «хлеб», возводимое к глаголу *иплуз* «есть». Между тем значение «еда» у слова *уъл* могло вообще никогда не существовать.

2. Другая разновидность семантических изменений, диаметрально противоположная первой,— это о б е д н е н и е с о д е р ж а н и я

представления, связанное с расширением его объема [32, с. 110]. Примером такого явления в рассматриваемых языках может служить облезгинская лексема со значением «сладкий» (ср. лезг. *верцIи*, таб. *ицци*, агул. *иттеф*, рут. *идды*, цах. *иттун*, арч. *ицI*, удин. *мучъа*), приобретающая в некоторых языках значение «вкусный». Ср. также будух. *хьаджрэдж* «весна, лето» при агул. *х-ид*, рут. *хьад*, цах. *йухъан* «весна».

3. Достаточно разнообразны реализуемые в лексике лезгинских языков и приемы метафоры, подразделяемые на несколько групп:

а) «Весьма часто решающую роль играет внешнее сходство предметов» [32, с. 115]. В лезгинских языках подобное положение наблюдается, например, при сравнении лезг. *куг* «тыква» с агул. *гуг* «череп», рут. *гуг-уй* «макушка» (оба значения оказываются совмещенными в таб. *гуг*). Ср. также арчин. *чвал* «бахрома, кисть» при лезг. *ццуыл*, таб. *джвул*, агул. *жвал*, рут. *джаьал*, цах. *джол* «снопи»; таб. *йирф-ар*, агул. *ирф-ар* «спина» при лезг. *йирф*, рут. *йуф* «деревянная лопата»; цах. *мыгыл* «бок» (*«совокупность ребер») при лезг. *ккул*, агул. *мугул*, таб. *мургул*, рут. *мугул*, арч. *муккул*, крыз. *магул*, будух. *могул*, удин. *мугул* «веник» и др.

б) «К внешнему сходству может присоединиться еще и то, что, будучи частью целого, напоминает по своему положению часть другого целого» [32, с. 115]. Ср., в частности, таб. (хив.) *мучIур* «острие сохи» при агул. *мучIур* «подбородок», рут. *мычIри* «борода», арч. *мочIор* «борода», будух. *мичIер* «борода».

В сравнительных исследованиях не всегда учитывают возможность семантического переноса. Между тем лезг. *кыл* и таб. *кIул* «голова, колос» сопоставляется как с агул. *кIул*, рут. *гукIул* и т. п. «голова», так и с агул. *кIетI*, рут. *гылI* «колос» [13, с. 107, 164]. Подобное совпадение значения «голова» и «колос» представляет собой классический случай метафоры. К часто фиксируемому в лезгинских языках семантическим отношениям относится также и сходство по функции, сопровождающееся или не сопровождающееся сходством по форме. Ср. лезг. *къав*, агул. *гIуй*, рут. *къав*, таб. *гъавъ* «крыша» при крыз. *къав* «мост»; арч. *хал* «гнездо» при агул., рут., таб. *хал*, цах. *хав* «дом» и др.

В лезгинских языках можно найти примеры и других семантических отношений, соответствующих классическим схемам переходов значений, ср.: агул., рут., таб. *хал* «дом» ~ крыз., будух. *хал* «крыша»; лезг. *векъ*, таб. *укI*, агул. *укI*, рут. *укъ*, цах. *окI*, удин. *о* «трава, сено» ~ арч. *йокIи* «летнее пастбище», крыз. *хIукъ* «луг», будух. *вукъ* «сенокосный участок»; таб. *хъяхъ*, агул. *хъяхъв* «нос» ~ лезг. *хъвехъ* «щека»; лезг. *птац*, таб., агул. *бац* «лапа» ~ рут. *бац-быр* «подушечки для снятия казана»; таб. *гъагъ*, агул. *гIагI* «ноша» ~ арч. *хъохъ* «спина» (пространственное соположение); таб. *ургам* «шуба» (-ам — бывший суф. мн. ч.) ~ рут., цах. *ург* «ягненок»; лезг. *хъиццикъ*, таб. *гъидикъ*, агул. *къядикъ*, рут. *къыдыкъ* арч. *къонкъ* «кожа, овчина, шкура» ~ будух. *къинджекъ* «бурдюк» (предмет-материал); лезг. *гад*, таб. *хьад* «лето» ~ агул. *хьид*, цах. *йухъан*, арч. *лъанналъхъ* «весна»; лезг. *гар*, таб. *хьар* «ветерок» ~ будух. *хьер* «ревматизм» — оба значения совмещаются в крыз. *хьар* (временное соположение) и др. Списков подобных примеров нетрудно продолжить.

Все же основную трудность для сопоставления представляют не вышеприведенные случаи. Более сложными оказываются примеры многоступенчатых семантических переходов, адекватное объяснение которых требует не только определенной интуиции исследователя, но и его чрезвычайной осторожности. Как известно, забвение последнего условия приводило дагестановедов из числа сторонников «нового учения о языке» к самым фан-

тастическим построениям. Приведем в качестве примера следующую интерпретацию лезгинских омонимов *gъed* «звезда» и *gъed* «рыба»: «Прежде чем перейти к анализу термина *ged*, рассмотрим его в семантическом окружении языков лезгинской группы, имея в виду, что указанная форма в упомянутых значениях по законам палеонтологии должна восходить либо к „воде“, либо к „небу“, как часть к целому. В самом лезгинском „вода“ звучит *yad*, в агульском и рутульском *xed* (...), а в таб. *шар* (...); „небо“ же в большинстве случаев представлено одноэлементным комплексом /A/: в лезг. *γaw*, агул. *zaw*, рут. *ǰal*, цах. *qaw* и в таб. *ǰav* (...). Если помимо указанных терминов привести еще ряд звуковых комплексов в значении „звезды“, в таб. *ǰar*, в агул. *ead* (кошан. д. *ħar*, керен. д. *ǰād*), то общность звуковых комплексов в значениях „воды“ и „звезды“ для нас станет бесспорным фактом...» [33]. Совершенно очевидно, что в этом рассуждении игнорировались не только обычные пути семантического развития, но и фонетические законы, в то время как их соблюдение, как известно, является необходимым условием любого сопоставления. Заметим, что возможность формулировки общих закономерностей семантического развития до сих пор ставится под сомнение. Так, согласно Э. Бенвенисту, в области значения «...единственной путеводной нитью является правдоподобие, основывающееся на „здравом смысле“, на личном усмотрении лингвиста и на тех параллелях, которые он сумеет привести» [34].

Последний критерий (типологические параллели) является вместе с тем лингвистическим приемом, способным не только подкрепить предлагаемую этимологию, но и оказаться полезным в ее установлении. Так, при сопоставлении удин. *ошъ* «конец» с лезг. *сив*, таб. *ушв*, агул. *сиб*, цах. *сив*, будух. *сив* «рот» решающее значение приобретает совпадение обоих значений в арч. *ссоб*.

В отдельных случаях правомерность сопоставления подтверждают также сведения культурно-исторического и этнографического характера. Последнее обстоятельство тем более важно учитывать, поскольку «как свидетельствует практика этимологических исследований, и в современном кавказоведении мы встречаемся со множеством ошибочных семантических реконструкций, обязанных неучету культурно-исторического фона функционирования лексики... Так, характер отношения лингвистов-этимологов к свидетельствам истории культуры Дагестана можно определить как незнание основных результатов, достигнутых дагестановедами смежных специальностей» [35].

Как правило, реконструкцию значения архетипа сопоставляемых лексем естественно производить одновременно с их генетическим отождествлением (см. выше примеры с будух. *селъхи*, крыз. *видар* и др.). Тем не менее оба приема следует разграничивать, так как во многих случаях при очевидной семантической близости сравниваемых лексем направление семантического развития установить не удастся. Именно подобным обстоятельством, по-видимому, объясняется сознательный отказ от семантической реконструкции в целом ряде этимологических словарей [36, 37]. Означает ли это отсутствие каких-либо внутриязыковых свидетельств в пользу того или иного пути семантического развития?

На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить отрицательно, поскольку изменение значения одного слова вызывает соответствующие изменения в других словах или же, напротив, может являться следствием таких изменений. Так, значение таб. *накъв* «могила» представляется вторичным по отношению к семантике лезг. *накъв* «земля», поскольку в лезгинских языках сохранилось исконное слово со значением «могила» (ср. лезг. *сур*).

Изменение значения старой лексемы может быть вызвано и усвоением заимствования, ср. цах. *вукIул* «голова женщины» при лезг. *кыл* и т. п. «голова». В цахурском произошло сужение семантики лексемы в результате проникновения заимствования *келле* (<азерб. *калла* «череп, голова») «голова мужчины». Вытеснить исконное слово способен и описательный термин, причем описательный характер последнего может со временем оказаться затемненным.

В ряде случаев производность того или иного значения подтверждается словообразовательной производностью соответствующего слова. Например, значение «мельница» лезг. *регъв*, таб. *рягъ*, агул. *раxI*, рут. *руIх* представляется вторичным по отношению к арч. *deIхв* «жернов», поскольку в арчинском имеется производное *духхалт* «мельница». Остальные лезгинские языки воспользовались не словообразованием, а семантическим переносом.

В сферу компетенции исторической лексикологии входит, естественно, и рассмотрение общих принципов системной организации лексического состава языков. Активно изучаемые на материале отдельных языков, эти принципы потребуют и своей диахронической интерпретации. Из большого перечня традиционно относящихся сюда проблем для нас особо существенное значение приобретает историческое изучение функционирующих здесь именных классификаций. И хотя уже предшествующими исследователями отчетливо установлена направленность развития от многочисленных систем к их свертыванию и даже к утрате (в удинском, лезгинском и агульском языках) (ср. [38]), именно исторической лексикологии предстоит нарисовать исчерпывающую картину этого чрезвычайно длительного процесса. Другое направление работ составляет в этой связи выяснение удельного веса дескриптивной лексики в словарном фонде лезгинских языков.

Нетрудно увидеть, что изложенные в данной статье соображения представляют собой в некотором роде программу исследований, выполнение которой является в настоящее время все более актуальной задачей. Ее удовлетворительное решение потребует немалых усилий как по систематизации, так и по анализу богатейшего словарного состава лезгинских языков; тем самым будут заложены основы построения исторической лексикологии дагестанских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Trubetzkoy N.* Nordkaukasische Wortgleichungen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII. Hf. 1—2. Wien, 1930.
2. *Trubetzkoy N.* Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen // *Caucasica*. Fasc. 8. Leipzig, 1931.
3. *Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1959.
4. *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
5. *Бокарев Е. А.* Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М., 1981.
6. *Гаприндашвили Ш. Г.* Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.
7. *Гудавя Т. Е.* Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964.
8. *Гудавя Т. Е.* Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979.
9. *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
10. *Акиев А. Ш.* Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков. Махачкала, 1977.
11. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.

12. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
13. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
14. Мусаев М.-С. М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978.
15. Филин Ф. П. Проблемы исторической лексикологии русского языка. (Древний период) // ВЯ. 1981. № 5.
16. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949.
17. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
18. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.
19. Виноградова О. И. Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1982. С. 9.
20. Фенрих Х. К иберийско-кавказской гипотезе // ВЯ. 1974. № 2. С. 83.
21. Алексеев М. Е. Нахско-дагестанские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М., 1981.
22. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
23. Услар П. К. Письма к Берзе. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 33.
24. Калоев Б. А. Агулы (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. М.—Л., 1962.
25. Лагров Л. А. Рутулы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник. М.—Л., 1962.
26. Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
27. Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — нач. XX вв. М., 1978.
28. Дешериев Ю. Д. Грамматика хивалугского языка. М., 1959. С. 207.
29. Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966. С. 215.
30. Загиров В. М. Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981. С. 61.
31. Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971. С. 67.
32. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
33. Шаумян Р. М. Armeniaca-lesgica (Армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели) // Академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935. С. 421.
34. Benveniste E. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. 1954. V. 10. № 3—4. P. 251.
35. Климов Г. А. К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 18.
36. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.
37. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—7. М., 1974—1980
38. Какадзе О. И. Грамматические классы в лезгинских языках (историко-сравнительный анализ). Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).